

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
4 (67)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 9

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В ЮЖНОЙ АРАВИИ VI в. н. э.

В период, предшествующий образованию халифата, состояние отдельных арабских государств, сложившиеся в них общественные отношения представляют большой интерес. Эта проблема была исследована Н. В. Пигулевской, которая использовала богатый материал греческих и сирийских нарративных источников.¹ Н. В. Пигулевская привлекла также эпиграфические памятники и данные арабских источников.

За последние годы было опубликовано значительное количество новых южноарабских надписей VI в., позволяющих рассмотреть общественные отношения более детально. Материал этих надписей положен в основу настоящей работы.

Интересные данные о социальном расслоении в южной Аравии дает надпись Ru 507, которая дважды перечисляет отдельные слои. Первый раз это сделано при описании войска Шарах'ила, где говорится: „Қайл Шарах'ил Йақбул... (совершил поход) с общиной Их... и с қайлами Их и со знатными Их и с арабами (бедуинами) Их“ (строки 1—2), второй раз — при перечислении захваченных пленных: „было всех, қайлей и арабов (бедуинов) и воинов“ (строка 8).²

Оба примера выделяют четыре слоя населения южной Аравии: қайли (قبول или قبيل, мн. أقول), знатные (مرايس), общины (اشعب мн. شعب) или воины (تسبات) и арабы-бедуины (عرب или عربين).

Так как в тексте в обоих случаях речь идет о войске, безразлично — о войске Шарах'ила или его противников, то упоминаются только те слои населения, которые имели право на ношение оружия, т. е. представляли свободных, полноправных граждан химьяритского государства.

Данные, говорящие о низших слоях общества, можно почерпнуть из материала нарративных источников. О социальном расслоении наиболее ярко сказано в рассказе о том, как Йусуф 'Ас'ар зу-Нувас обратил

¹ См.: Н. В. Пигулевская. 1) Общественные отношения в Неджране в начале VI в. н. э. Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 199—226; 2) Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 336—384.

² См.: G. Ruckmans. Inscriptions sud-arabes. Dixième serie. Le Muséon, v. 66, 1953, стр. 278.

в рабство захваченных им жителей Наджрана: „Собрав же всю молодежь от 15 лет и ниже, мужского и женского пола, из благородных, горожан, земледельцев, ремесленников и рабов“, он „подарил их в рабство мегистанам и прочим своим приспешникам“.¹ Приводится полное перечисление всех сословий, существовавших в южной Аравии, в порядке социальной иерархии.

При рассмотрении социально-экономического строя южной Аравии VI в. одним из основных вопросов, встающих перед исследователем, является вопрос о рабстве. Нельзя сомневаться в наличии рабов в Йемене в этот период, но о значении рабского труда, о месте, которое он занимал в хозяйстве южной Аравии, мы еще знаем очень мало. Нарративные источники говорят о рабах много и часто, причем по характеру упоминаний можно судить о значительном распространении рабского труда. Известно, что южная Аравия вела обширную торговлю рабами, поставляя их на рынки Византии и Ирана. Рабыней была мать Йусуфа 'Ас'ара зу-Нувāса;² ат-Табарī считает основателя христианства в Йемене рабом;³ перечисляя свои богатства, знатная наджранитянка Рума называет рабов и рабынь;⁴ есть сведения о применении труда рабов в земледелии.⁵ Выше мы уже приводили данные об обращении Йусуфом зу-Нувāсом в рабство жителей Наджрана. Постоянно упоминают о рабах „Законы Химьяритов“; Н. В. Пигулевская видит в этом одно из основных доказательств того, что „Законы“ были составлены с учетом реальных особенностей жизни южной Аравии, указывая: „В Византийской империи в VI в. такое постоянное упоминание о рабах в полицейских и клерикальных титулах законодательства уже не было употребительно. Для химьяритского свода составители достали из архивов старые правила, которые здесь оказались нужными и живыми“.⁶

Однако анализ „Законов химьяритов“ показывает, что рабы в большинстве случаев обозначаются термином „домашние“, включающим и других неполноправных членов семьи. Такую терминологию нельзя считать случайной, ибо значение греческого термина „домашние“ было хорошо известно составителю „Законов“. Это показывает, что в южной Аравии в связи с сохранением многочисленных и сильных пережитков родовых отношений рабство, за исключением царских и храмовых хозяйств, продолжало носить полупатриархальный характер. Рабы считались членами семьи или рода; существовали и другие категории

¹ Martyrium St. Arethae. Acta sanctorum, Octobris, IX, Parisiis et Romae, 1869, стр. 739.

² Chronique de Seert, ed. par A. Scher. Patrologia Orientalis, t. 5. Parisiis, 1911, стр. 331.

³ Tabarī, Annales, стр. 922; Tabarī-Nöldeke, стр. 180—181.

⁴ A. Moberg. The book of Himyarites. Lund, 1924, стр. 38а—38б.

⁵ Martyrium St. Arethae, стр. 723.

⁶ Н. В. Пигулевская. Византия... стр. 258.

зависимых членов рода, занимавших промежуточное положение между рабами и свободными, полноправными членами. Богатые семьи существовали исключительно за счет труда рабов и зависимых лиц; но в надписях в качестве производителя работ упоминается семья. Естественно при таких условиях, что рабство не нашло отражения в эпиграфических источниках.

Не следует думать, что если рабы числились членами рода, то это уничтожало или смягчало их эксплуатацию. „Законы Химьяритов“ свидетельствуют о том, что положение рабов в южной Аравии было крайне тяжелым. Об этом говорит хотя бы то, что в „Законах“ ясно прослеживается тенденция, общая для всех раннехристианских памятников, — смягчить эксплуатацию рабов и бедняков, в основном путем морального воздействия на рабовладельцев, взывая к их человеколюбивым чувствам, и лишь отчасти путем законодательного смягчения участи рабов.

Одной из таких мер было право убежища, предоставленное церквям, а также, видимо, и древним языческим храмам, откуда нельзя было выводить бежавших рабов (§ 43).¹ Сюда же следует отнести предписание проявлять некоторое внимание к рабам, давать им пищу и одежду (§ 54),² запрещение избивать их (§ 53),³ заставлять их работать по воскресеньям и праздникам (§ 51).⁴

В южноарабских надписях VI в. лишь дважды встречаются упоминания о рабах, да и то косвенные: это термин *هجن* — „сын рабыни и свободного“ в надписях Ry 512,1 и RES 3904,15. Но автор надписи Ry 512, названный этим термином, является не рабом, а представителем знати; лишь его мать была рабыней.

По-видимому, непосредственное отношение к вопросу о рабовладении в южной Аравии имеют данные надписей Шарах'ила зу-Йаз'ана (Ry 507 и Ry 508) о захвате пленнх. Нам кажется, что большое внимание, проявленное к пленным в этих надписях, свидетельствует о том, что они обращались в рабство и представляли большую ценность. Значительные цифры пленнх — 11 000, причем в боях севернее Наджрана при 1000 убитых было взято 1500 пленнх — свидетельствуют, что их захват имел важное значение. Все это говорит о известном распространении рабского труда в южной Аравии. Правда, можно предположить, что большинство пленнх служило предметом торговли и вывозилось за границу, но в VI в. мировой рынок вряд ли испытывал большую нужду в рабах, так как и в Византии, и в Иране труд рабов уже изживал себя, заменяясь трудом зависимых крестьян. Поэтому роль вывоза рабов не следует переоценивать.

¹ *Patrologiae Graecae*, t. 86, pars 1. *Nomeritarum Leges* (в дальнейшем: *Leges*), стлб. 604—605.

² Там же, стлб. 609.

³ Там же.

⁴ Там же, стлб. 608.

Почти полное отсутствие сведений о рабах в южноарабских надписях VI в. объясняется прежде всего отсутствием надписей хозяйственного содержания. Надпись Шарахби'ила Йакмула о постройке и восстановлении оросительных сооружений рассказывает об очень больших работах, требовавших привлечения всех жителей орошаемой местности; естественно, что даже при широком распространении рабского труда такие работы не могли производиться силами одних лишь рабов.

Другой причиной того, что рабы редко упоминаются в надписях, является отсутствие чисто рабовладельческих хозяйств, основанных только на труде рабов. Рабы использовались в основном в домашнем хозяйстве, прежде всего в домашнем хозяйстве знати, основными же производителями были свободные граждане химьяритского государства — земледельцы и ремесленники. В сельском хозяйстве они объединялись в территориальные общины; в городах хозяйственной единицей была большая патриархальная семья, в состав которой входили и рабы.

Вряд ли есть основания считать, как это делает Н. В. Пигулевская,¹ что существовали имения, где все работы выполнялись рабами. Отсутствие упоминаний рабов в надписях свидетельствует, что их труд играл лишь подчиненную роль. Даже в имениях знати рабы применялись только наряду со свободными земледельцами, несшими основную тяжесть работ.

Ремесленники составляли значительную часть населения городов южной Аравии, но об их жизни нам известно мало. Южноарабские надписи VI в. их не упоминают, и нам приходится основываться только на данных нарративных источников. Перечень жителей Наджрана в порядке их социальной иерархии помещает ремесленников лишь одной ступенью выше рабов, что свидетельствует о тяжелых условиях, в которых они, по-видимому, находились. „В условиях раннего средневековья это закономерное явление, их (ремесленников, — А. Л.) положение обычно было тяжелым, а кабальная экономическая зависимость часто приводила их к рабству“.² „Законы химьяритов“ в § 52 запрещают задерживать плату наемникам или поденщикам или совершенно не выдавать ее.³ Это показывает, что часть ремесленников южноарабских городов не имела своих орудий труда и должна была наниматься к хозяевам крупных мастерских. Одновременно этот параграф свидетельствует об эксплуатации, переходившей в открытый грабеж, которой подвергались наемники. Факты задерживания оплаты и удержания ее были, по-видимому, достаточно часты, если понадобилось включение в „Законы“ особого параграфа, запрещающего такие действия. Наказание же хозяевам мастерских было весьма незначительно — всего лишь уплата долга в двойном размере.

¹ Н. В. Пигулевская. Византия. . . , стр. 351—352.

² Там же, стр. 349.

³ Leges, столб. 608—609.

На развитие ремесленного производства и, возможно, существование каких-то цеховых организаций ремесленников указывает запрещение завидовать искусной работе, клеветать или охаивать чужую работу.¹ По-видимому, не имеет под собой почвы в южноарабской действительности и является механическим перенесением из византийских юридических памятников предписание о посылке провинившихся на работу в государственные мастерские.² Отсутствие в южной Аравии сильной государственной власти, сепаратизм отдельных владений и весьма самостоятельное положение крупных городов, центров ремесленного производства, ставят под сомнение наличие в химьяритском государстве государственных мастерских.

Третий слой населения южной Аравии, который называют надписи, составляют *شعب* (мн. *اشعب*) — „общины“, или *تسابات* — „воины“. Второй термин этимологически совершенно ясен, ясно и его социальное значение: им обозначаются воины Шарах'ила, набранные из свободных граждан южноарабского государства.

Термин *شعب* обычно переводится как „племя“³ и этимологически происходит от этого общесемитического корня, но в качестве социального термина в надписях V—VI вв. имеет иное значение. Об этом говорит уже то, что термин никогда не применяется к бедуинским племенам. Определение значения термина затрудняется тем, что, как показывает внимательный анализ текстов, он применялся в двух различных значениях. Исследователи обращали внимание преимущественно на первое значение, на котором мы и остановимся вначале.

Уже Хартман дал развернутое определение термина, в основном правильное, толкуя его как „группу сельского или городского населения, которая объединена оседлым местом жительства и общим заработком — земледелием, торговлей, индустрией“.⁴ Подробный разбор термина был дан Н. В. Пигулевской,⁵ уточнившей определение Хартмана и указавшей, что „на определенном этапе развития племя приобретает уже все характерные черты общины оседлого населения. Его объединяют общее место жительства и общий способ заработка“.⁶

Члены общин, составлявшие большинство населения южной Аравии, были лично свободными, полноправными гражданами химьяритского государства. Об этом ясно говорит сопоставление двух мест Марибской надписи Абрахи, где для воинов и работающих на восстановлении плотины применяются одинаковые выражения („абиссинцы и химьяриты“):

¹ Там же, § 44, стлб. 605.

² Там же, § 36, стлб. 601.

³ См., например: С. Conti Rossini. *Chrestomatia arabica meridionalis epigraphica*. Roma, 1931.

⁴ М. Hartmann. *Der Islamische Orient*, Bd. II. Leipzig, 1909, стр. 450.

⁵ Н. В. Пигулевская. *Византия...*, стр. 349—351.

⁶ Там же, стр. 350.

„И они выступили и собрали войска Их, абиссинцев и химьяритов тысячами“ (СН 541, 24—26), „И когда Они увидели, что причинила ущерб общинам гибель, Они отпустили их, абиссинцев их и химьяритов их“ (СН 541, 73—75). Общины представляли собой объединения свободных граждан химьяритского государства, имевших право на ношение оружия, объединенных происхождением от общего предка, общим оседлым местом жительства, являлись единими хозяйственными коллективами. То, что они были обязаны принимать участие в общественных работах (поддержание оросительной системы и т. п.), не опровергает того, что это были объединения свободных членов общины: „Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами“,¹ причем „часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу“.²

Приведенные выводы о характере коллектива, обозначавшегося исследуемым термином, показывают, что это сельская территориальная община, лишь сохранившая воспоминания о происхождении от общего предка. О ее независимости и личной свободе ее членов ярче всего говорит надпись Ru 507, где „общинам“, упомянутым в начале надписи, соответствуют „воины“ в аналогичном перечислении строки 8. Интересные данные о составе общин и их положении содержит надпись RES 4069. Следует обратить внимание на монограммы, высеченные на уровне 1—2-й строк надписи. Одна из них содержит буквы *ي* и *ز* — начало слова *يزان*, вторая — буквы *س* и *ي* — начало слова *سبين* — „Сайбāн“. В тексте надписи также упоминается *شعبين/سبين* — „община Сайбāн“. Не останавливаясь на подробном разборе имени, укажем, что под „общиной Сайбāн“ следует понимать население Ницāба и земель, прилегающих к нему. Таким образом, монограммы, которыми обычно в надписях выделяется имя царя, в данной надписи дают имя знатного рода и общины, восстанавливавших оросительную систему.

Община Сайбāн, по-видимому, была независима от кайлей рода Йаз'ан; во всяком случае она находилась под управлением собственных „властителей и кабиров“ (*مهترت/وكبور*), названных в надписи в качестве представителей общины. Термин „кабир“ (*كبير*, мн. *كبور*) встречается в южноарабских надписях на протяжении всей истории южноарабских государств. Это один из наиболее важных социально-экономических терминов, встречающихся в надписях; он неоднократно подвергался

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестник древней истории, № 1, 1940, стр. 11.

² Там же.

тщательному исследованию.¹ С позиций марксистско-ленинской исторической науки термин был разобран Н. В. Пигулевской.² Поэтому останавливаемся лишь на некоторых вопросах.

В большинстве случаев термин „кабир“ упоминается в связи с племенем (общиной): „кабир такого-то племени“; связь кабира с племенем, позднее с общиной, обозначавшейся тем же термином — شعب, несомненна. Неоднократно отмечалось, что звание или должность кабира были наследственными; в пределах племени эта должность принадлежала нескольким родам. Таким образом, кабиров можно охарактеризовать как древнюю племенную знать.³

Кабиры, как показывают надписи, выполняли различные хозяйственные функции. Н. В. Пигулевская, приводя большое количество примеров деятельности кабиров, приходит к выводу, что „одной из главных функций кабира было руководство распределением воды по оросительным каналам, починкой акведуков, плотин“.⁴ В этих работах кабиру принадлежала руководящая роль.

Однако в надписи RES 4069 руководителями работ по восстановлению и постройке оросительных сооружений являются не кабиры — представители общин, а қайли — представители высшей знати южной Аравии. Возможно, это свидетельствует о том, что в VI в. общины уже находились в какой-то хозяйственной зависимости от қайлей.

Исследуемая надпись была высечена не только как памятная; она указывала одновременно, кому принадлежит выстроенная оросительная система. Надпись служила юридическим документом, подтверждающим права на воду. Эти права принадлежали, с одной стороны, қайлам, перечисленным в начале надписи, и, с другой стороны, общине Сайбāн, в основном ее патриархальной знати. Население, жившее на землях, орошавшихся выстроенными сооружениями, по-видимому, было вынуждено платить владельцам оросительной системы за воду, что служило одним из важнейших рычагов закабаления рядовых свободных общинников.

Мы видели выше, что в восстановлении и постройке оросительных сооружений участвуют две стороны: община Сайбāн, представленная в надписи своей патриархальной знатью — кабирами и „властителями“ (مسيرت), и қайли со своими владениями. Рабочую силу первой составляли свободные общинники; у нас нет оснований сомневаться в этом. Но и со стороны қайлей работали в основном также свободные. Об этом свидетельствует термин اولد/شعب — „члены общины“, применяемый к ним

¹ M. Hartmann, ук. соч., стр. 434; N. Rhodokanakis. Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen, Bd. II. Wien, 1917, стр. 149—151.

² Н. В. Пигулевская. Византия. . . , стр. 365—369.

³ Поздние надписи показывают нам кабиров уже в должности правителя области, как „кабир Хадрамаута“ надписи СІН 541, 86—87. Но в исследуемой надписи ясно сказано: „кабиры общины Сайбāн“, поэтому мы не останавливаемся на изменении функций.

⁴ Н. В. Пигулевская. Византия. . . , стр. 366.

(см. RES 4069,4). Однако по своему характеру общины Дайфатан и Расахам, уже попавшие в прямую зависимость от қайлей, значительно отличались от независимой общины Сайбан, управлявшейся кабирями. Помимо того, что в общинах Дайфатан и Расахам очень значительную роль играли, по-видимому, рабы и челядь қайлей, даже „свободные“ находились, несомненно, в экономической зависимости от қайлей. На это указывает хотя бы то, что общины Дайфатан и Расахам именуется в тексте *شعبهمو* — „община их“, т. е. общины, принадлежащие қайлам (см. RES 4069,4—5). Точно так же обозначается община Дайфатан в надписи Ру 507,1 и Дайфатан и Расахам в СИН 621,5. В последнем тексте перечисляется еще ряд общин, подчиненных қайлам рода Йазан; закономерно, что и в данном случае независимая община Сайбан выделена из этого перечисления. Текст надписи из Хушн ал-Гураба (СИН 621) гласит: „Сумайфа' 'Ашва' и сыновья его... и общины Их (Сумайфа' 'Ашва', — А. Л.) Вухазат и 'Алхан, и Сулуфан, и Дайфатан, и Расахам, и Ракбан, и Мафлафан, и Са'калан, и Сакрад, и кабиры и власти-тели общины Сайбан зу-Нисаф“.

Аналогичные данные о зависимости общин от знати дает и Марибская надпись Абрахи. Так, в строке 19 этой надписи упомянут Гарах зу-Зубнир, в строке 23 — Хагган 'азмарит, в строках 36—37 — Ваттах и 'Авдах, владельцы Гадана. Во всех случаях замки известны нам по южноарабским надписям, а имена их владельцев эфиопские.¹ Эти данные говорят о том, что Абраха раздавал земли южной Аравии эфиопскому войску, на которое он главным образом опирался. Новые хозяева земли, как химьяритские, так и эфиопские, вероятно имели уже право на какую-то долю труда свободных общинников, населявших эти земли, может быть в форме права на получение налога, или какой-то его части, со своих земель.

Второе значение термина *شعب* дает надпись Ру 510,6—7, где говорится: *وسباوا/بناشعيرهمو/سبا/وحمير/اورحبتن/اوحضرمت* — „И Они совершили поход с племенами их, Саба' и Химьяр и Рухабатан и Хадрамаут“. Здесь *شعب/سبا* или *شعب/حمير* означает войска, набранные в области Саба', Химьяр, Рухабатан, Хадрамаут. Эти области к VI в. давно утратили свой племенной характер и превратились в провинции химьяритского государства, но их ополчение называлось еще по-старому — *شعب*. Это же значение можно увидеть в надписях Ру 507,9: „когда он совершил нападение с общинами зу-Хамдан и с бедуинами“, и Ру 508,7: „и с общинами зу-Хамдан и с городом их“.

Следующий социальный слой — „горожане“ — не имеет никаких аналогий в материале южноарабских надписей VI в. В него входили много-

¹ См: А. Лундин. Южноарабская историческая надпись VI в. н. э. из Мариба. Эпиграфика Востока, IX, 1954, стр. 9; СИН 541.

численные торговцы, мелкие и средние, т. е. люди, так или иначе связанные с караванной или внутренней торговлей. Крупные, богатые купцы, видимо, входили в состав „знатных“.

Высший слой общества составляли „благородные“. Как надписи, так и особенно нарративные источники свидетельствуют о большой дифференцированности этого слоя. Так, в Наджране из общего слоя знати — „благородных“, или „сыновой свободных“, — выделяется еще наиболее богатая и знатная верхушка — „главы“, „богатые“ или „большие“. Но в Наджране, как показывает Н. В. Пигулевская,¹ были представлены не все слои знати южноарабского государства. Среди лиц, окружающих Йусуфа зу-Нуваса, „Мученичество Арефы“ называет „мегистанов, начальников и этнархов“,² более высокие слои знати.

Надпись Ru 507 называет знать термином *مراسم*, который встречается также в надписи RES 3563 B, 3, по-видимому в несколько ином значении, и в надписи RES 4010,5 в поврежденном контексте. В обоих случаях ясно, что речь идет о какой-то категории знати. Хорошо известен и общесемитический корень *g's* — „голова“, „глава“, „вождь“; во многих семитических языках *g's* обозначается терминами, производными от этого корня.

К этому же слою знати относятся „благородные“, или „сыновья свободных“, неоднократно упоминаемые нарративными источниками при описании преследований христиан в Наджране.³ Подробный разбор значения этих терминов был сделан Н. В. Пигулевской,⁴ что позволяет автору не останавливаться специально на этом вопросе. Приведем лишь вывод, сделанный Н. В. Пигулевской: „Знать и благородные дифференцировались, и существовала градация как в их богатстве и благосостоянии, так и в положении и чинах. Соответственно и занимаемое положение было выше, значительнее, роль в управлении государством больше. Это находит отражение в терминологии, применяемой к „благородным“, «сынам свободных» и к «знати», «главам»“.⁵

Южноарабские надписи также подтверждают факты дифференциации среди знати. Так, несомненно к „знати“ (*مراسم*) относятся авторы малых надписей из Кавкаба. Эти надписи, каждая из которых содержит лишь несколько кратких строк, высечены на той же скале, что и надпись Ru 508, в непосредственной близости от нее. Шрифт всех текстов чрезвычайно схож; текст малых надписей позволяет установить, что они были высечены одновременно с большой надписью во время стоянки войск Шарах'ила Йақбула в Кавкабе в месяце зу-қайзан 633 г.

¹ Н. В. Пигулевская. Византия. . . , стр. 365.

² Martyrium St. Arethae, стр. 723.

³ См. Book, стр. 4в—5а, 6а, 8а и т. д.

⁴ Н. В. Пигулевская. Византия. . . , стр. 348, 355—357.

⁵ Там же, стр. 356—357.

химьяритской эры. Авторы их — военачальники отдельных отрядов войска Шарах'ила.

Следует отметить, что термин *مراس* в этих надписях не встречается и авторы их называют себя другими титулами. Тем не менее несомненно, что они принадлежали к слою „знатных“; но этот слой не был един, внутри его имелось несколько различных прослоек, члены которых носили различные титулы.

Так, в надписях Ry 513, Ry 514 и Ry 515 их авторы называют себя титулом *مقتو* (мн. *مقتت*) — „военачальник“. Термин известен по целому ряду южноарабских надписей, где он означает чиновника как военного, так и гражданского.¹ В более древних текстах термин встречается в написании *مقتوي* и имеет то же значение.² Разбор термина дает Ж. Рикманс;³ в противоположность его мнению, термин употреблялся преимущественно в позднюю эпоху, IV—VI вв. н. э., как полагали уже Мордтман и Миттвох.⁴

Надпись Ry 509 называет разбираемый термин в перечне сословий химьяритского общества, совпадающем, если не по терминам, то по существу, с перечнем, даваемым надписью Ry 507. Действительно, текст Ry 509,8 дает следующее: *اقنهمو/وشغلم/اوكل/مقتو نهمو* „қайли их и работники и все военачальники их“.⁵ И если точно совпадает только термин *اقل* — „қайли“, то несомненно, что *شغلم* — „работники“ Ry 509,8 соответствует *انشعب* — „общины“ Ry 507,1, а *مقتوت* — „военачальники“ соответствует *مراس* — „знатные“ Ry 507,1.

Мы видим, таким образом, что термин *مقتت* может выступать как замена термина *مراس*, т. е. как название целого сословия. Это говорит о значительном распространении титула в южной Аравии в V—VI вв. Тем больше интереса представляют те данные, раскрывающие значение этого титула, которые можно почерпнуть из надписей Ry 513—Ry 515. Эти надписи свидетельствуют о том, что авторы их являются командирами отдельных отрядов войска, подчинявшихся қайлам. Авторы малых надписей называют лишь одного из қайлей: либо Шарах'ила зу-Йаз'ана (Ry 513 и Ry 514), либо Лахай'ата йархам а зу-Гадаана (Ry 515).

Термин *مقتو* обозначал довольно широкую прослойку химьяритской знати, но не старой родо-племенной знати, как кабирь, о которых говорилось выше, а новой, связанной не с родовой или общинной организацией, а со службой қайлу и выдвинувшейся именно на такой службе.

¹ См.: RES 5058,1; RES 4107,11; Ry 513,1; Ry 514,2; Ry 515,3; Fakhry 76,4; Ry 509,8.

² См.: СИН 140,1 и т. д.

³ J. R y c k m a n s. Les Institution monarchique en Arabie meridionale, стр. 145—146.

⁴ J. M o r d t m a n n und E. M i t t w o c h. Altsüdarabische Inschriften im Hamburger Museum für Völkerkunde. Orientalia, 5, 1936, стр. 259.

⁵ G. R y c k m a n s. Inscriptions sud-arabes, стр. 304, 307.

Так, надписи неоднократно упоминают *مقتو/ملكن* — „военачальник царя“,¹ но ни разу не дают *مقتو/شعبين* — „военачальник общины“. *مقتت* могли быть как военными, так и гражданскими чиновниками, хотя большинство упоминаний в текстах говорит о военной службе.²

Вероятно, то же положение, что и авторы надписей Ry 513—Ry 515, занимал и автор аналогичной по характеру надписи Ry 512,³ хотя он и не называет себя титулом *مقتو*. Ее автор — Хаггай 'Айхар, сын рабыни и қайла Шарах'ила Йакмула, — принимал участие в походах Шарах'ила Йақбула во главе собственного отряда. Об этом свидетельствуют и заключительные слова надписи, сообщающей, что Хаггай высек надпись *بكل/ذتسطر* — „обо всем том, что он (Шарах'ил) упоминает в надписи“. Хаггай ссылается здесь на текст высеченной рядом надписи Ry 508 и указывает тем самым, что он со своим отрядом принимал участие во всех событиях, о которых рассказывает большая надпись.

Командира войска он называет „братом своим и господином своим, қайлом Шарах'илом зу-Йаз'аном“. Шарах'ил Йақбул действительно сын Шарах'би'ила Йакмула⁴ и, следовательно, брат Хаггай 'Айхара. Но Хаггай, как сын рабыни, не имеет титула қайла, как его отец и братья, стоит на более низкой ступени социальной лестницы и даже называет своего брата „господином своим“, т. е. зависим от него.

Размеры и характер надписи, высеченной Хаггаем, свидетельствуют достаточно убедительно, что он занимал в войске то же положение, что и *مقتت* — „военачальники“, авторы надписей Ry 513—Ry 515. Однако то, что он не называет себя титулом *مقتو*, вполне понятно. Родство с родом Йаз'ан, одним из самых знатных родов южной Аравии, было для него более почетным, чем этот титул. Известно, что в V—VI вв. в северной Аравии сын рабыни, признанный своим отцом, входил в племя в качестве равноправного члена и занимал то же положение, что и его отец. В южной Аравии, где существовала более дробная социальная градация, Хаггай занимает более низкое положение, чем его братья, но родство с қайлами тем не менее выделяет его в какой-то мере из широкого слоя мелкой знати, *مقتت* — „военачальников“.

¹ См.: СИН 405,2; RES 4861; RES 4876; RES 4892; СИН 140; СИН 314+954; RES 3929; RES 4139.

² См.: J. Ruckmans, ук. соч., стр. 146.

³ Подробный разбор ее см. в моей рецензии на: Sidney Smith. Events in Arabia in the 6-th Century AD. Bulletin of the School of Oriental and African studies, vol. 16, part 3, 1954, стр. 425—464 (Советское востоковедение, № 1, 1957, стр. 212—213).

⁴ См.: А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI в. Л., 1957, стр. 6.

Высший слой южноарабской знати составляли қайли. Этот термин встречается в надписях на протяжении очень долгого времени, начиная с надписей, сделанных бустрофедоном (см., например, RES 4638,1). Но если в более ранних текстах он встречается лишь эпизодически, то в надписях V—VI вв. получает очень широкое распространение; термин встречается почти во всех надписях VI в., причем иногда, когда нет самого термина, упомянуто лицо, которое, как нам известно из других текстов, носило этот титул. Термин известен и североарабской традиции, причем он применяется в ней к высшему слою химьяритской знати и переводится как „царь“.¹

О положении қайлей можно судить на основании данных о роде Йаз'ан, представители которого называются в надписях этим титулом. Многие из них занимали очень высокие посты: Шарах'ил Йақбул зу-Йаз'ан в период химьяро-эфиопских войн был крупнейшим полководцем Йусуфа 'Ас'ара зу-Нуваса (см. Ry 507 и Ry 508). Его брат, Сумайфа' 'Ашва', после разгрома Йусуфа был сделан абиссинцами царем южной Аравии. Ма'дикариб Йа'фур и Ха'ан, сыновья Сумайфа', участвовавшие в восстании против Абрахи, были одними из немногих противников, которых Абраха счел нужным назвать по имени. Сайф, сын Ма'дикариба и внук Сумайфа', стал царем южной Аравии после завоевания ее персами.

Этот род обладал большой экономической мощью. Постройка оросительной системы у Ницаба была проведена им силами подвластных роду общин (см. RES 4069); так же была построена и крепость Мавийат, о которой говорит надпись из Хушн ал-Гураба (СИН 621). Громадная военная добыча, перечисляемая в надписях Ry 507 и Ry 508, в значительной части попала в руки Шарах'ила, командовавшего войском, и его братьев, командовавших отдельными отрядами.

Қайли являлись, видимо, правителями или скорее владельцами отдельных областей химьяритского государства. Так, во владении йазанитских қайлей находилась территория Западного Хадрамаута в районе Ницаба и Хушн ал-Гураба. По сообщению ат-Табарй, в момент вторжения эфиопов қайли оставили без поддержки Йусуфа зу-Нуваса, причем написали ему: „пусть каждый защищает свои владения“.²

Интересные данные о положении қайлей дают малые надписи периода химьяро-эфиопской войны, Ry 512—Ry 515. Они свидетельствуют о том, что қайли имели собственные войска, подчинявшиеся только своему хозяину — қайлу, а не царю и не поставленному им командующему. Наиболее ярко это показывают надписи Ry 513 и Ry 514, авторы которых называют только Лахай'ата Йархама зу-Гадана и совер-

¹ Тақ-ел. 'Arūs, VIII, стр. 90.

² Tabari, Annales, стр. 928—929.

шенно не упоминают ни царя, ни Шарах'ила Йақбула, главнокомандующего войском, в котором они находились.

Эти данные подтверждают и североарабские источники, в частности биография 'Имру-ул-Қайса, известного арабского поэта, потомка киндских царей. О нем рассказывают, что во время скитаний в борьбе с племенем 'Асад он „остановился у қайла, которого звали Марсад ал-Хайр ибн зу-Джадан¹ ал-Химьяри, а между ними двумя — родство. И он попросил у него помощи против бану 'Асад, и тот дал ему 500 человек химьяритов“.² Этот қайл, следовательно, на собственный страх и риск мог предпринимать походы, причем походы вне границ южной Аравии, т. е. фактически пользовался полной самостоятельностью. Внушительна и цифра войска, которое он выставляет.

Надпись RES 3904 также упоминает войска қайлей, причем они даже противопоставляются царским; текст гласит: *الخمسهمو / مليكيم / وقبليم* — „войска их, царские и принадлежащие қайлам“.

Надпись Ru 507,10 сообщает, что қайл Шарах'ил Йақбул совершил поход с *اخوتهمو / وجرحهمو* — „братьями его и клиентами их“. Термин *جر* встречается также в надписи СІН 548,1 в неясном контексте, но перевод его ясен из североарабского *جار* — „сосед“, затем „клиент, отдающий себя под защиту“.³ Отношения „соседства“ (*جوار*) были широко распространены в доисламской северной Аравии. „Дни арабов“ неоднократно упоминают их⁴ и позволяют судить о социальном содержании термина. Соглашение о „соседстве“ заключало обычно племя, вынужденное переселиться на новые земли в результате преследований сильных врагов, с другим племенем, которое на определенных условиях оказывало ему покровительство. Уже в VI в. термин обозначал соглашение о покровительстве, о коммемдации. Несомненно, что в южной Аравии, более развитой в социально-экономическом отношении, он имел то же значение. Это подтверждает и текст Ru 507, свидетельствующий, что *جر* — „клиенты“ қайлей должны были участвовать в их походах.

Учитывая все изложенное выше, мы можем характеризовать қайлей следующим образом: қайл — титул новой знати, выдвигающейся в V—VI вв., обладавшей значительными личными богатствами в виде земель и денег, эксплуатировавшей уже не только труд рабов, но частично и труд зависимых сельских общин. Қайли составляли высший слой химьяритской знати; они были правителями отдельных областей южной Аравии и обладали очень большой самостоятельностью.

¹ Североарабское „Джадан“ соответствует южноарабскому „Гадан“.

² См.: Ibn al-Athir, ed. Tornberg, I, стр. 379.

³ См.: Lane I, II, стр. 483.

⁴ См., например: Naqa'id Djarir wa-l-Farazdak, ed. Bevan, v. I, стр. 410, 655 и сл.

В начале второй четверти VI в. из среды қайлей, видимо, выделяется слой, наиболее знатный и могущественный; это „восемь царей Химьяра“, о которых говорит Химьяритская касыда,¹ или „сопрестольники царя“, упоминаемые в „Мученичестве Арефы“.² К ним, возможно, относится упоминание *املك/العمير* — „цари Химьяра“ в RES 3904,7. Это место дало основание Смиту³ предположить, что южная Аравия была разделена в то время на самостоятельные области, владельцы которых были соправителями Сумайфа'. Но термин *حومير*, неоднократно встречающийся в надписях VI в., во всех случаях обозначает не всю территорию химьяритского государства, а лишь одну из областей южной Аравии.

Повреждения текста не позволяют точно установить, к кому относится этот титул. Он не может принадлежать Сумайфа', ибо последний носил титул „царя Саба“ или обычный титул химьяритских царей — „царь Саба' и зу-Райдана, и Хадрамаута, и Йаманата, и их арабов в горах и на равнине“ (см. RES 3904,1). Он не может также относиться к упомянутым далее в строке 7 начальникам эфиопского войска — этому противоречит разделяющий их союз *و*. Более вероятно, что титул принадлежит наиболее могущественным қайлам, владельцам области Химьяр, подчинявшимся не Сумайфа', а непосредственно абиссинскому негусу.

Следует указать, что наличие среди знати многочисленных групп, различавшихся по своему богатству и влиянию, показывает и в этом слое глубоко зашедшую дифференциацию. Возможно, что приведенные данные свидетельствуют уже о зарождении феодальной иерархии, по крайней мере ее зачаточных форм.

Наконец, последний слой, упомянутый в надписях, это *عربن* — „бедуины“. Данным термином обозначались члены североарабских племен, как кочевых, так и оседлых или полuosедлых, как входивших в состав химьяритского государства, так и не входивших. Частично они даже обитали на территории химьяритского государства.⁴ Такие племена, как Кинда или Мазхидж, неоднократно упоминаемые в надписях, хорошо известны нам и по североарабским источникам, и мы можем достаточно точно судить об их социальном строе.

В начале VI в. эти племена несомненно жили еще родовым строем, хотя и весьма интенсивно разлагавшимся в результате их взаимодействия с классовыми обществами, находившимися на окраинах Аравийского полуострова. Поэтому интересно, что в надписях всегда соблюдается строгое разграничение арабов и химьяритов и термин *شعب*

¹ См.: K r e m e r. Die himjarische Kasideh. Leipzig, 1865, стр. 20—21.

² Martyrium St. Arethae, стр. 734.

³ S. S m i t h. Events in Arabia in the 6. century. BSOAS, v. XVI, 1954, стр. 433.

⁴ См. Ry 507, Ry 508.

никогда не применяется к арабским племенам. Видимо, это показывает, что разница в условиях жизни арабов и химьяритов была отчетливо заметна. Следовательно, можно заключить, что пережитки родового строя в южной Аравии были довольно незначительны.

Социальное расслоение в южной Аравии идет не по линии разграничения свободных и рабов, а по линии разграничения отдельных сословий или слоев внутри сословий. Глубоко зашедшее расслоение можно отметить среди сословия земледельцев, где надписи различают независимые общины с их кабирами и „властителями“ и „общины қайлей“, уже не имеющие самоуправления. Термин *كج* — „клиент“ (см. Ry 507,10) указывает, видимо, на появление коммандации или ее начальных форм.

Следует отметить, что в VI в. н. э. старая родо-племенная знать — кабиры — играет очень незначительную роль. Господствующее положение занимает новая знать, земельная или служилая, қайли и „военачальники“ (*مقتت*). В их владении находится уже значительная часть общин, члены которых, однако, сохраняют личную свободу и право на ношение оружия. Это позволяет говорить об изменениях в социальном строе южной Аравии, о возникновении там феодального уклада.

A. G. Lundin

SOCIAL CLASS DIVISION IN SOUTH ARABIA DURING THE 6th CENTURY

The analysis of the social terminology of the South-Arabian inscriptions of the 6th century has allowed to trace the changes in the social structure of the Himyaritic State, and the changes in the position of kabir and қайлҫ in particular.
